

Реплика на выступление Александра Согомонова

Владимир БАКШТАНОВСКИЙ, директор Центра прикладной этики (г.Тюмень)

В отличие от Александра Юрьевича Согомонова я имею более тесный опыт общения с журналистами. В этом есть свой недостаток, ибо абстрактные рассуждения могут быть более новаторскими. И все же моя бо́льшая включенность в жизнь тюменских журналистов побуждает вступить с Александром Согомоновым в полемику.

Есть одно основание для полемики. Реализованный мною недавно проект назывался "Ценности и правила игры регионального сообщества журналистов в координатах гражданского общества". Иначе говоря, речь идет о реальной ситуации в профессиональной этике журналистов, соотношенной с идеалами и ценностями гражданского общества. В рамках этого проекта подготовлен выпуск "Тетрадей гуманитарной экспертизы", в котором публикуются материалы моих бесед–интервью с журналистами и людьми, которые тесно причастны к журналистской корпорации. В числе участников экспертного опроса – несколько московских авторов: из журналистов – Виктор Лошак, Виталий Третьяков, из тех, кто причастен к этой корпорации, – Всеволод Богданов, Иосиф Дзялошинский, Алексей Симонов, Андрей Рихтер. Но в основном я брал интервью у тюменских журналистов.

В одном из шести вопросов, которые я задавал своим собеседникам, я просил их проконсультировать мои нравственные колебания. Действительно, я просил именно консультации: в моем вопросе был игровой элемент, но на 90 процентов вопрос был вполне искренним. Я спрашивал своих собеседников так: "Если вы сейчас примете мой тезис о том, что каждый журналист в своих правилах игры, в своих ценностных ориентациях должен исходить из констант гражданского общества, то не окажусь ли я попом Гапоном (или, грубее, не окажусь ли я тем бараном, который ведет стадо на бойню)? Ведь даже если я достаточно искренне так высоко поднимаю планку требований к вам с позиций журналистской этики, а вы мне поверите и захотите достичь этой планки, то, очень вероятно, пропадете, потому что реальная жизнь ставит журналистов, впрочем, как и всех других, в ситуацию, скорее, выживания, а не выбора (о котором здесь только что говорил предыдущий оратор). Что последует за тем, что я успешно спровоцирую вас (как провоцирует Согомонов) на то, чтобы жить достойно? Жить достойно, соблюдая профессиональную этику, в нашем сегодняшнем обществе может лишь герой, а не обычный человек, который чаще всего не рефлексировывает ситуации морального выбора, ничего особенно не преодолевает в себе, а живет нормальной жизнью".

Что отвечали–советовали мне участники экспертного опроса? Меньше всего я хочу критиковать их за то, что они не могли рассказать о ценностях гражданского общества. Это понятие не освоено в нашем обиходе, и даже те люди, которые этим словосочетанием пользуются в профессиональной деятельности, расходятся в понимании того, что есть гражданское общество.

Я пытался помочь своим собеседникам и говорил: "Понятно, что вы не готовы определять, что такое "гражданское общество", поэтому попробуем выбрать одно из тех определений, которые давали мне другие собеседники. Так, Дзялошинский считает, что гражданское общество – это, прежде всего, третий сектор. Лошак считает, что гражданское общество – это общество, в котором у человека есть свобода выбора, все от него зависит. Третий эксперт определял природу гражданского общества методом от противного – это такое общество, которое не похоже на наш социализм, это – не тоталитарное общество". И меня устраивало, когда мои собеседники из трех–четырех определений выбирали то, которое соответствовало их представлениям.

Затем я снова спрашивал: "Ориентируя вас на ценности гражданского общества – в наших сегодняшних обстоятельствах, требующих скорее выживания, – не буду ли я попом Гапоном?". Наиболее распространенным был такой ответ: Хоть на что–то все же надо ориентироваться, даже в ситуации, когда такая безнадега, нельзя уж совсем поддаться ей". Это меня успокоило, я – не поп Гапон. Не имея возможности сейчас рассказывать про наше исследование более обстоятельно, я просто перекидываю мостик к рассуждению о той миссии журналистики, которую пытался сформулировать Александр Юрьевич. Мне–то по душе, чтобы все журналисты именно такими и были, чтобы они служили обществу, помогали своей аудитории осваивать новые реальности.

Но меня не отпускает мысль о том, что журналист с такой миссией не справится, а, желая все–таки с ней справиться, так переведет на свой язык высокие идеи, что они обернутся прямой противоположностью.

